

М. Ф. Ершов**Дореволюционная школа Зауралья в художественных текстах**

Цель исследования — анализ изменений социально-психологического климата в дореволюционном образовании Зауралья середины XIX — начала XX века. В качестве источников использованы мемуарные и художественные произведения ряда местных авторов, в которых отображены трансляция надличных ценностей (жертвенная миссия), изменения в повседневном существовании педагогов и в оценочных суждениях об образовательном процессе. В школьных коллективах наблюдался устойчивый рост индивидуализма и личной ответственности. Методологической базой стали наработки социологии, литературоведения, социальной психологии. Рассмотрение текстов позволило зафиксировать трансформацию психических и социокультурных процессов. Возрастание роли образования вело к изменению ценностных установок и требований к педагогам и ученикам.

Новизна исследования заключается в использовании художественных и мемуарных текстов об образовании в его взаимодействии с провинциальным социумом. Сделанные выводы актуальны и для современной России, в которой вхождение в рынок потребовало модернизации образования.

Ключевые слова: Зауралье, исторический источник, литература, локальный социум, мемуары, миссия, образование, писатель, провинция, социально-психологический климат, текст, учитель, школа.

Образовательные и школьные проблемы никогда не являлись только академическими. Несомненна их актуальность для современной России, в которой, как и полтора столетия назад, быстрое вхождение в рынок потребовало модернизации системы образования. Но это, в свою очередь, спровоцировало нездоровые эрозийные процессы. Полагаем, что изучение исторического опыта способно содействовать принятию положительных решений для оздоровления нашей школы. Антропологический поворот в гуманитарных дисциплинах, внимание к частностям, к повседневности и к жизни локальных социумов постепенно выявили возможности для изучения новых сфер исторического прошлого, в том числе социально-психологического климата [26, с. 507—509].

Целью настоящей публикации является анализ изменений в социально-психологическом климате в дореволюционном образовании Зауралья середины XIX — начала XX века. К числу задач исследования относится рассмотрение непосредственного воздействия на школьную жизнь как патриархальных норм, так и новаций, со временем потеснивших отжившие традиции. В работе выборочно использованы литературные и мемуарные тексты К. М. Голодникова, М. С. Знаменского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Бажова, В. А. Чащина, А. П. Бондина и других авторов в качестве исторических источников.

В дореволюционной России встречи представителей разных культур вызывали у них взаимное любопытство, что получило отражение в рассматриваемых литературных текстах. Их авторы относятся к различным социальным группам. Но есть нечто общее, что их объединяет: провинция, приверженность к печатному слову и способность к рефлексии. В провинции, тесно соприкасавшейся с инертным патриархальным миром, литературное творчество было характерно для культурных одиночек, маргиналов, словесно связывавших свою родину с далеким столичным миром. Произведения с автобиографической тематикой и описаниями школьной жизни для провинциальных социумов являлись исключениями [20]. Если не считать газетных публикаций, их издание происходило много позднее описываемых событий и за пределами родных мест.

Большинство использованных исторических источников представляют литературные произведения с описанием личных впечатлений при получении образования. Они допол-

© Ершов М. Ф., 2019

нены мемуарными свидетельствами. Доминирование субъективных оценок о прошлом затруднило их историческую критику. Осмысление разнородной информации, содержащейся в источниках, потребовало применения ряда междисциплинарных подходов. В качестве методологической основы использованы теоретические достижения социологии, социальной психологии и литературоведения.

Так, например, в феноменологической социологии употребляется термин *sedimentation*, заимствованный из геологии. В концепции «седиментарного» («послойного» или «осадочного») общества сосуществование различных слоев объясняется их формированием в разные периоды и в неодинаковых условиях. Данное неестественное соседство порождено катастрофическими социальными сдвигами «пород» [28, с. 1045]. Восприятие реалий, в том числе истории образования, как своеобразных слоев [7] или текста с неизбежностью требует их систематизации. Поэтому исследователи П. Бергер, Т. Лукман и другие разработали программу социологии знания, где предметом анализа оказалось повседневное знание на основе концепции «социального конструирования реальности» [2, с. 170—190].

Информация, которая содержится в художественных текстах, неоднородна. Аберрация в воспоминаниях, созданных много лет спустя после описанных событий, несомненно, присутствует. Но имеются и положительные моменты. Редуцирование данных о прошлом приводит к тому, что в памяти информанта остаются наиболее яркие, эмоционально окрашенные события. Кроме того, альтернативные точки зрения в литературных произведениях воссоздают многомерное видение исторического процесса. Их рассмотрение содействует реконструкции подлинных реалий и тем самым отчасти меняет понимание нашего прошлого.

Применение сравнительно-исторического и сравнительно-типологического методов создает возможности для сопоставления и обобщения исторических фактов. Интерпретации человеческих поступков и анализ текстов приносят ряд субъективных моментов. Нередко ускользающий «искаженный» образ оказывается важнее для понимания, чем официальный документ. По мнению Т. Н. Джаксон, специалиста по Древней Руси, расхождения с шаблонными портретами в сагах «могут являться отражением действительных жизненных обстоятельств. Сообщения, выпадающие из стереотипной формулы, заслуживают наибольшего внимания» [8, с. 164]. Уральские литературоведы М. А. Литовская и Е. К. Созина пришли к близким выводам [21, с. 62]. Весьма характерны номера журнала «Отечественная история» о взаимосвязи истории, литературы и кино (№ 1 за 2002 и № 3 за 2003 годы). Проблемы специфических источников — литературных текстов — были рассмотрены специалистами по общероссийской [37] и по региональной истории [4; 11].

Прошлое отечественной школы внутренне противоречиво и не до конца осознано. В историографии пока еще преобладают исследования по истории образования, которые ориентируются на позитивистские подходы и во многом игнорируют рассмотрение повседневной жизни и социально-психологического климата. Это касается и истории школ в Зауралье, представленной рядом работ. Среди них выделяются своей основательностью труды А. Л. Михащенко, В. С. Сулимова, В. В. Цысь и О. П. Цысь [24; 29; 33]. Однако отвлечение от субъективности, видимо, все же обедняет предмет исследований и, по мнению Э. Гуссерля, превращает индивида в голый научный факт. Исследования социокультурной направленности, напротив, далеко не всегда системны, но в них учтены психологические проблемы в историческом и модернизационном контекстах. В части таких трудов (у М. В. Егоровой, М. В. Змеева, С. Kelly) при реконструкции школьного и детского мира фрагментарность изложения уже преодолена [9; 14; 40]. Автору данной

статьи также приходилось рассматривать психологические моменты в истории школы [10; 12—13].

Рамки настоящей статьи ограничены провинциальным, по преимуществу городским миром Зауралья середины XIX — начала XX века, этой своеобразной зоны соприкосновения между территориальными массивами Урала, Казахстана и Сибири. Выбор времени и места не случаен. Социокультурные противоречия раскрываются наиболее ярко в переходные эпохи на стыковых и периферийных пространствах, где прежняя городская провинциальная жизнь воспринималась как оазис благополучия, добрососедских и в целом неизменных отношений. В этом мире господствовали патриархальные нормы, он отличался статичностью, стремился к обособленности от внешнего окружения. Его изменения были однократные, разовые. Возникший прецедент не должен был тревожить «тишину и покой». Взамен нарушенной гармонии он создавал иную, близкую к ранее утраченной.

Для понимания психических процессов при взаимоотношениях «учитель — местные жители, ученики» в исторических источниках требуется рассмотрение очеловеченного пространства. По мнению Мирча Элиаде, традиционной культуре свойственно восприятие места проживания как Центра мироздания, как рукотворного подобия Космоса. Приход извне оценивался как проявление Хаоса, угрозы для обжитого пространства [38, с. 36—38]. Учитель должен был здесь стать «добрым малым», своим для избранного круга немногочисленных образованных людей. Юридический статус школы в провинциальном городе часто не был определяющим. Неформальные межличностные отношения были важнее, они господствовали. Соответственно в статье не рассматриваются юридические и статистические аспекты. В центре внимания трансформация психических процессов, связанных с местной сферой образования.

Сохранились исторические источники о том, как именно это происходило. Одним из них являются «Воспоминания» К. М. Голодникова о второй половине 30-х — 40-х гг. XIX в. в Тобольске и Ялуторовске. Сами «Воспоминания» созданы много позднее описываемых в них событий. Автор отмечает, что «власти того времени смотрели на распространение в народе просвещения как на излишнюю и неуместную роскошь» [5, с. 257]. Дело было не только во властных структурах. Нередко учительство относилось к преподавательской работе с прохладцей, порки детей розгами, официально возбраняемые, были тогда обыденным явлением.

Во многом результативность обучения зависела от случайных факторов: добросовестности и усилий отдельных лиц. В Тобольске таким энтузиастом был знаменитый П. П. Ершов, в Ялуторовске — И. А. Лукин (выведенный в мемуарах под именем Псоя Лукича). До его вступления в должность в уездном училище отсутствовало расписание и учителя произвольно приходили на занятия. Совсем плохо обстояли дела в местном приходском училище, чье помещение было переделано из амбара, а потолок грозил обрушением [5, с. 276].

Нарочитая идеализация молодости и патриархальных отношений, милых сердцу автора, сопровождается сведениями о положении учительства. К. М. Голодников обстоятельно фиксирует детали его повседневного быта. И из них опосредованно вытекает, что учителя при неформальном общении не были изгоями в городах. «Воспоминания» Голодникова дополняют мемуары польского ссыльного Ю. Ручиньского, оказавшегося в Туринске в 1840-х гг. Местный смотритель уездного училища Уткин был принят в лучших домах, общался со ссыльными декабристами, что не удивительно. Учителя ценили за умение играть в бостон [27, с. 427—432]. Как обстояли дела в самом училище, польский ссыльный в своих подробных мемуарах сведений не оставил...

Доброжелательное общение, досуг не отменяли игнорирования правовых норм или их показной имитации. «Странная смесь в этих московских (т.е. российских. — *М. Е.*) чиновниках, — размышлял ссыльный поляк. — Ведь они люди. Многие из них обладают истинными достоинствами. Среди них хорошие мужья, заботливые отцы, даже бывают отзывчивы по отношению к товарищам. В служебной сфере — деморализация, такая же большая, как повсеместно. Все крадут открыто, обдуманно, как бы по убеждению. Получаемое от правительства жалованье для них ничто, взятки — все. Каждая должность заранее просчитана, сколько должна принести дохода» [27, с. 445].

Образовательный процесс не являлся исключением. Долгое время он был вторичен перед иными, более важными приоритетами провинциальной жизни. Данное обстоятельство выводится из ряда мемуарных источников. В 1880—1881 гг. в Сургуте отбывал ссылку С. П. Швецов. Он отметил, что местные жители к школе относятся безучастно. Основания для такого вывода имелись: «За все время существования школы в Сургуте только один учитель сумел вызвать к себе симпатию и уважение в населении своим простым и теплым отношением к делу обучения и развития сургутских ребятишек, все же остальные или не оставили по себе никакого воспоминания или самое плачевное» [35, с. 100—101].

У М. С. Знаменского в книге «Тобольск в сороковых годах» запечатлены отвлеченность образования и имитация получения знаний в семинарии. Но в них, в отличие от воспоминаний К. М. Голодникова, отсутствует ностальгия по ушедшему и привнесено сатирическое отображение социального окружения [15, с. 192—193]. Позднее, будучи педагогом, Знаменский зафиксировал множество частных образовательной сферы Тобольска, вплоть до участия воспитанниц местной Мариинской школы в любительских спектаклях или слухов о карточных выигрышах некоторых из учениц. Его также волновали перспективы женской эмансипации [15, с. 457, 511, 514].

Различия между мемуарами двух тоболяков К. М. Голодникова и М. С. Знаменского существенные. Они порождены происхождением авторов (один из чиновников, другой из священников), кругом их общения и, главное, временем. Полноценная взрослая жизнь началась у К. М. Голодникова в спокойном 1839 году, у М. С. Знаменского — много позже, в военном 1853-м, уже после окончания Петербургской духовной семинарии. Далее, под воздействием рынка и Великих реформ прежняя жизнь все более уходила в небытие. Социальные и культурные противоречия вторгались в сферу образования и в благополучном Тобольске [11].

Характерно название воспоминаний Д. Н. Мамина-Сибиряка: «Отрезанный ломоть». В них рассказано о начале его учебы в Екатеринбургском духовном училище в 1866 г. Ностальгические черты о прошлом отсутствуют. Училище с его жесткими бурсацкими нравами противопоставлено родительскому дому. Со стороны старших были распространены обычаи защиты и покровительства, что одновременно не исключало произвола. Отношение к ябедам у учащихся было негативным, вплоть до бойкота и физической расправы [22, с. 421—431].

Писатель фиксирует отсутствие жестких противоречий между учениками и учителями, гуманность большинства преподавателей и в то же время авторитет традиций и полуголодное существование. Отчуждение от обыденности здесь символически сближалось с мотивами испытаний, мессианской идеи, что характерно для церковного образования [23, с. 202—253]. «Бурсак являлся для самого себя человеком обреченным, который только исполнял то, что было выработано веками... Из бурсы выработалось своего рода казачество, — замечает Д. Н. Мамин-Сибиряк, — та учебная “Сечь”, где выживал только сильный и где ценилась только сила» [22, с. 434].

Такое положение было типичным. В автобиографическом рассказе К. Д. Носилова переданы чувства оторванного от близких ученика Долматовского духовного училища. Жизнь воспитанников в середине XIX столетия здесь была сурова. Новичок оказался не в добром мире. «Нас били и наказывали, драли за каждую малость, и не проходило ни одного урока без подобных жертв, которые робко сами шли на кухню к старому солдату для сечения. В классах били нас учителя по чем ни попало, били по лицу, били по шее, таскали за волосы, как таскают пьяные подмастерья своих несчастных учеников», — так описывал училищные порядки Носилов в рассказе «О. Августин». Именно Августин поддержал отчаявшегося мальчишку и показал ему подлинные человеческие чувства. Он защитил своего подопечного от унижительных сечений на кухне и разубедил его уйти в бродяги [25, с. 3—24].

Изматывающая зубрежка, отсутствие интереса к знаниям и к свободному чтению (в ходу была лишь бульварная литература) резко ухудшали социально-психологический климат в училищах. Однако существующее положение признавалось неизбежным. Для большинства учеников главным препятствием в получении образования было отсутствие денежных средств. Соответственно училищный социум копировал жесткий мир взрослых, пока еще без претензий на улучшение. Доминирование архаики порождало тягу к негативной свободе, которая воспринималась анархистски, как избавление от школьных тягостей.

Совершенно иную картину представляет П. П. Бажов, также обучавшийся в Екатеринбургском духовном училище с 1889 г., почти на четверть века позднее. В автобиографической повести «Дальнее — близкое» образовательные проблемы для выходца из Сысертского завода вообще не стоят на первом месте. Для героя важнее иное: его взаимоотношения со сверстниками из других образовательных учреждений, уличные контакты и конфликты. Эта повесть писалась в советское время. Отсутствие критики в адрес педагогов духовного училища — косвенное свидетельство положительных сдвигов в системе церковного образования.

И действительно, у П. П. Бажова немало теплых замечаний об училище. Так, например, инспектор не просто контролировал детей на квартирах, он приучал к дисциплине, порядку, знакомил с хорошей литературой (хотя и бульварная была в ходу). Ученики здесь не голодали, не было и издевательств старших над младшими. Обучение уже не воспринималось ими в качестве вынужденного отчуждения. Напротив, нахождение в горнозаводском городе и культурном центре открывало перед учащимися новые горизонты [1].

Расширение «территории свободы» не проходило безболезненно. Остро стояли вопросы женского образования и женской эмансипации. Обществом осознавалась ненормальность положения с трудоустройством образованных девушек. Многих не устраивало, что их выбор ограничивался профессией учительницы. Женская эмансипация вела к появлению иных интеллектуальных видов деятельности. Так, начальница одной из прогимназий доказывала, что ее выпускницы отнюдь не обязательно должны трудиться в сельских школах или в педагогике [19, с. 50—51].

Весьма симптоматичны вопросы, которые задавали Харитина Игнатова и ее подруга Надя, обе воспитанницы Тобольского епархиального училища. Многие епархиалки планировали стать учительницами и врачами. И вдруг они прочитали у Иоанна Кронштадтского в 1902 г. фразу «Женское ли это дело?». Смятение девушек развеял инспектор, предложив им ориентироваться на призвание: «Не рвитесь по нынешней моде к равноправию, политике, но в тишине совершайте свое великое дело служения ближнему всякая по своему призванию, какое бы оно ни было...». Х. Игнатова, закончив в 1906 г.

епархиальное училище, планировала накопить денег и продолжить образование [18, с. 126—130], но и через четыре года ее мечта была далека от осуществления [17].

Нравственные проблемы епархиалок блекнут на фоне реальных проступков их потенциальных женихов из Тобольской духовной семинарии. На рубеже XIX—XX вв. здесь царили вольные нравы: иные воспитанники даже рисовали чертей или неприличные картинки на Библии. «Ходили у нас в то время по рукам стишки с иллюстрациями Баркова, “Гавриилиада” Пушкина, зачитываемые до дыр, “Декамерон” Боккаччо. Потом позже увлеклись “Саниным” Арцыбашева, “Ключами счастья” Вербицкой, “Мелким бесом” Сологуба. Всего этого вместе с романами “Севера” (журнал того времени. — М. Е.), с “Записками горничной” и с похождениями Леона Дрея было достаточно для тематики “живых картинок” на Библии», — вспоминал воспитанник М. В. Андреев.

Он же зафиксировал интерес семинаристов к периодическим изданиям, где они читали фельетоны Дорошенко и заметки о победах борца Поддубного. Кто-то увлекался хорошим пением, кто-то был захвачен подпольной карточной игрой в тобольской пивнушке. Состоятельные юноши посещали рестораны и публичные дома, где они, бывало, сталкивались и с преподавателями... Для серьезно настроенных учащихся некоторое время существовала нелегальная библиотека с книгами Степняка-Кравчинского и Кропоткина [31, л. 21—25].

Неоднозначное положение отечественной школы все менее устраивало как консерваторов, так и сторонников прогресса. Для первых образование являлось рассадником нигилизма (что отчасти соответствовало действительности), для последних, наоборот, официальная школа была заповедником ретроградов (что также имело место). Противоположные точки зрения отнюдь не исключали друг друга. При разрастании общественного кризиса отечественная школа перестала нормально функционировать. Она подвергалась разнонаправленной трансформации, в основном негативной, при которой многое определялось ситуативными моментами.

Так, выходец из уральских рабочих В. А. Чащин с большим теплом вспоминал первую учительницу. Е. В. Никитина была сестрой управляющего Сосьвинским заводом в Верхотурском уезде. За революционную деятельность ее сослали в зауральскую глушь. Видимо «под Никитину» и была открыта школа. Но первый урок начинающей учительницы мог кончиться конфузом. Положение спас местный поп:

— Матушка Елизавета Васильевна! Как же вы думаете начинать учение без молитвы? Разве это возможно? Надобно помолиться! Встаньте, дети! [34, с. 77].

Очевидно, что Елизавету Васильевну удержали «на плаву» ее родственные связи. Учительница достаточно быстро преодолела отчуждение между собой и учениками. Но ее годичное преподавание в училище было вынужденным шагом. После отъезда учительницы дети писали ей письма. Затем в училище появились Г. Г. Георгиевский и Д. Д. Четвериков. Оба этих педагога, напротив, не пользовались любовью учеников. К детям они относились плохо [34, с. 81—84].

Нечто подобное отмечено в воспоминаниях А. П. Бондина. Его зарисовки уроков последнего десятилетия XIX века в приюте или в училище Нижнего Тагила похожи на мемуары В. А. Чащина. Личные взаимоотношения между учителями и учениками представлены ярко и с тонкими психологическими зарисовками. Учителя были разными. Одни из них болели за порученное дело, помогали своим воспитанникам, а другие, что бывало нередко, отличалась равнодушием и даже садистскими наклонностями. Еще одна особенность, обозначенная Бондиным, это стремление учителей дать детям возможности для получения образования [3]. Исчезало отношение к образованию как отвлеченным малопонятным знаниям, получение которых — удел немногих.

Наблюдение подобных различий — свидетельство роста индивидуализма. Эти процессы происходили как в педагогической среде, так и в ученических коллективах. Теперь к учителям стали предъявляться принципиально иные требования. Их оценки в воспоминаниях перестали быть стереотипными. Пропали стандартные оправдательные фразы о неблагоприятных проступках конкретного учителя, которые он совершал «не со зла», а по долгу службы или в соответствии с принятыми нормами. Тяжесть дисциплинарных наказаний по отношению к ученикам снизилась, но явно возросли требования к их личной ответственности.

Менялись ученики, менялись и их учителя. На смену необязательным неудачникам дореформенной поры пришли новаторы, которые надеялись на собственное подвижничество в просвещении народа. Далекое не все педагоги жили в полном соответствии с этими почти мессианскими идеалами. Но для большинства из них эти нравственные максимумы стали жизненными целями. Судя по воспоминаниям Е. Г. Чемезовой, дореволюционных тобольских учительниц отличали скромность костюмов, отсутствие замужества и честное отношение к выполнению профессионального долга: «трудолюбивой и преданный своему делу народ» [36, с. 166].

Оптимистические ожидания и столкновение с грубой действительностью передают «Записки учительницы. Быт и нравы крестьян и положение учителя на селе». Записки созданы на юге Тобольской губернии, и в них многое умалчивается. Неизвестно имя автора. По сокращенным названиям населенных пунктов можно предположить, что село находилось недалеко от Окуневки. Учительницу, городскую девушку, шокировали местные реалии, особенно первые впечатления. У детей — от учительницы в шляпке с вуалью, у учительницы — от детей. В холодной школе в зимней одежде сидели ученики: «...это были немые, нечесанные черноголовые мальчуганы лет от 6 до 12. Меня поразили их глупые лица с серыми, черными, синими глазками, с открытыми нечистыми ртами и с крайне недоуменным выражением».

Внутри школы — «залитые чернилами скамьи», «переломанные парты», убогая обстановка дополнялась «грязными до невозможности полами». Беспорядок не испугал новоприбывшую, и она начала действовать. Попечителю была послана заявка на оборудование для школы. «Прежде всего я заставила вымыть и вычистить школу, перебрала всю скудную ученическую библиотеку, покрытую вековой пылью, переписала ее, выбросила многие сказки вроде “Марья-Моревна, Прекрасная королева” и др., более чем невозможные». Примечательна борьба со сказками. Для городской девушки они олицетворяли патриархальное сельское бескультурье, подлежащее быстрому решительному изменению через насаждение рациональных знаний.

Автор дает яркие и язвительные характеристики «сливок общества» из зауральской глубинки: попечителя, писарей, законоучителей, своих коллег. Фактическая изоляция рождала у учительницы психический дискомфорт и жажду общения с представителями единой культуры. Однако знакомство с коллегой из соседнего села душевного облегчения отнюдь не принесло: «Он много знал людей, много сравнительно ездил, рассказывал мне самые ужасные пошлости из сельской жизни...». Критически настроенный собеседник даже не попытался соблюсти чувство меры и не учитывал возраст и жизненный опыт собеседницы.

Неизвестно, что впоследствии случилось с автором записок, которые велись в 1886—1887 гг. [6, л. 2—18]. Возможно, она вернулась в город, но могла и остаться в деревне [13]. В последнем случае служение интеллигента, не расставшегося с идеалами и не опустившего руки, нередко превращалось в жертвенный акт. Во многих источниках отражено гнетущее культурное одиночество. Не случайно жизнь сельских учителей оцени-

валась как близкое к монашескому подвигу пребывание в культурной пустыне, борьба с темнотой.

Тема безрадостной жизни провинциальной учительницы присутствует в наброске «Именинница», опубликованном в «Екатеринбургской неделе». Дочь мелкого чиновника назначают учительницей прогимназии в уездный городок. Затем следуют смерть родителей и исчезновение перспектив. «Оставшись совсем одинокой, она всю душу отдала любимому делу. Да, она поработала. И сегодня ей ясно становится, что жизнь не прошла даром, но в то же время ей кто-то шепчет, что в жизни ее многого и многого недостает... Не было того лучезарного, упоительного, составляющего полноту жизни, того, о чем когда-то она так робко грезила, с внезапно вспыхнувшим пламенем на лице и страстным, до боли сладким замиранием в сердце... Она не любила... Тридцать пять лет, и она не испытала любви!.. Тридцать пять лет прошло! Она судорожно сжала руки и, смотря широко раскрытыми глазами в пространство, прошептала с отчаянием:

— Господи! Для чего же была молодость-то!..» [32].

Еще далее уходит в раздумья учительница Павла Андреевна, героиня повести Б. А. Тимофеева «Сухие сучки». Получив образование, девушка сбежала учительствовать в деревню. К ней присоединилась сестра, выгнанная с курсов за участие в похоронах Некрасова. После ее безвременной кончины темные крестьяне объявили покойницу ведьмой и вбили осиновый кол в могилу — ведь она собирала травы и препарировала лягушек. С надрывом вспоминает смерть сестры и долгие года своего учительства Павла Андреевна:

— Господи, сколько лет жизни отдала... молодость, силу, они... они... И так мне завидно стало сестренке, что умерла, веры она, веры в них не потерявши! [30, с. 287].

Павла Андреевна сохранила веру в будущее. Но ее помощь революционерам была разоблачена полицией [30, с. 387]. Действие повести происходит в Асееве. По мнению литературоведов, прототипами этого городка и персонажей повести послужили Шадринск и его жители. Один из современных районов этого города — бывшая деревня Осеева [39, с. 90].

До широкого развития рыночных отношений местные сообщества почти не считались со школьными нуждами. Вхождение в индустриальное общество привлекло внимание к образованию. Школы оказались в центре общественных ожиданий. Однако верхушечная модернизация проводилась непоследовательно. Сохранялось множество консервативных элементов в образовании. И властные «верхи», и патриархальные «низы» и содействовали образованию, и тормозили его развитие. Этот разнонаправленный прессинг и дисбаланс между новациями и традициями во многом провоцировали дезориентацию учителей и господство ситуационных моментов в школьном деле.

Дореволюционная адаптация образования к местным реалиям прошла ряд этапов. Изживание имитации в процессе обучения вело к появлению педагогов-подвижников, которых в последующем оттеснили профессионалы-прагматики. Развертывались неоднозначные и противоречивые процессы укоренения в образовании личностных начал и индивидуализма. Так, улучшение социально-психологического климата в школах сопровождалось одновременным ухудшением отношения к педагогам в провинциальных социумах. Привычные добрососедские отношения уходили в прошлое. Американский исследователь Р. Уэйд акцентирует внимание на том, что образование в России того времени размывало существующие социальные структуры и людские установления [41]. Разумеется, эта разрушительная трансформация не вполне осознавалась, а ее действие прикрывалось флером благих намерений.

Тексты художественных произведений и мемуарной литературы освещают множество скрытых психических процессов в отечественном образовании. Это и трансляция надличных ценностей между поколениями (жертвенная миссия), и кризисные моменты, возникающие при переоценке культурного багажа и отношений между педагогами и учениками. Немалое значение имеет описание оценочных суждений, личностных мотивов и особенностей повседневного существования. С одной стороны, школа была важнейшим институтом при модернизации общества. С другой — от нее требовалось пребывать в числе устоев правящего режима. Периферийность отечественного образования дополнительно усиливалась его нахождением в периферийных же российских социумах. Последствия специфики формирования массового образования того времени мы пожинаем до сих пор.

Список использованных источников и литературы

1. Бажов П. П. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3. М. : Правда, 1976. С. 122—196.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
3. Бондин А. П. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3. Свердловск : ОГИЗ, 1948. 267 с.
4. Бурлуцкая (Банникова) Е. В. Оренбургское высшее общество глазами писателя. Повесть А. Н. Плещеева «Пашинцев» как источник по истории женской провинциальной повседневности // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. : в 2 т. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. Т. 2. С. 232—240.
5. Голодников К. Воспоминания о Тобольской гимназии // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX — начала XX в. / сост., вступ. ст. Ю. Л. Мандрики. Тюмень : Мандр и Ко, 2004. С. 250—283.
6. Государственный архив Курганской области. Ф. 307. Оп. 1. Д. 21.
7. Грасс Г. Луковица памяти. М. : Иностранка, 2008. 592 с.
8. Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М. : Языки русской культуры, 2000. 192 с.
9. Егорова М. В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX — начале XX в. М. : Памятники исторической мысли, 2008. 216 с.
10. Ершов М. Ф. Девиация: два случая из жизни учителей Зауралья 70-х гг. XIX в. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 7. С. 60—64.
11. Ершов М. Ф. Литературный текст как историко-этнографический источник: по материалам произведений писателей Югры, Урала и Южной Сибири. Ханты-Мансийск : [Б. и.], 2015. 208 с.
12. Ершов М. Ф. Социальный статус педагога и березовские реалии в 80-е годы XIX в. // Меншиковские чтения-2015 : материалы российской науч. конф. СПб. : Изд-во «XVIII век», 2015. С. 49—55.
13. Ершов М. Ф. Фонд К. Я. Маляревского как исторический источник о культуре провинциальной интеллигенции // Зырянские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2003. С. 121—123.
14. Змеев М. В. Жизненный мир русской интеллигенции рубежа XIX—XX вв.: на материалах Пермской губернии. Пермь : Пермский гос. техн. ун-т, 2006. 265 с.
15. Знаменский М. С. Воспоминания и дневники. Тобольск : Возрождение Тобольска, 2013. 776 с.
16. Зубков И. В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870—1916. М. : Новый хронограф, 2010. 528 с.
17. Игнатова Х. В отставке // Школьный листок. Приложение к Тобольским епархиальным ведомостям. 1910. № 14. С. 111—112.
18. Игнатова Х. Воспоминания // Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ. М. : Новое литературное обозрение, 2011. С. 118—132.
19. Клерикова М. Р. Историческая записка и отчет за 25 лет существования Тюменской женской прогимназии. Тюмень : Типография «Сибирской торговой газеты», 1898. 57, 52 с.
20. Коновалова Е. Н. Книга Тобольской губернии. 1790—1917 гг. Сводный каталог местных изданий. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2006. 532 с.
21. Литовская М. А., Созина Е. К. Литература и история: проблема взаимодействия // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 59—67.

22. Мамин-Сибиряк Д. Н. Рассказы, Легенды. Из далекого прошлого. Воспоминания. М. : Правда, 1987. 464 с.
23. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.
24. Михашенко А. Л. Становление и развитие образования в российской провинции в 1719—1917 годах (на материале южно-зауральского региона Западной Сибири). Курган : Курган. ун-т, 2004. 332 с.
25. Носилов К. Д. Божьи люди. Рассказы. М. : Юная Россия, 1913. 39 с.
26. Парыгин Б. Д. Социальная психология : учеб. пособие. СПб. : СПбГУП, 2003. 616 с.
27. Ручинский Ю. Конарщик. 1838—1878. Воспоминания о сибирской ссылке // Воспоминания о Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск : Артиздат, 2009. С. 325—476.
28. Смирнова Н. И. Альфред Шюц на книжной полке // Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 1023—1048.
29. Сулимов В. С. Светская школа Западной Сибири конца XIX — начала XX века: воспитание учащихся. Тобольск : ТИД, 2015. 316 с.
30. Тимофеев Б. Сухие сучки. Повесть // Энергия. Сб. первый. 1913. С. 247—389.
31. Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. КП. 12222.
32. Туркин А. Г. Именинница (литературный этюд) // Екатеринбургская неделя. 1894. № 50. С. 1053.
33. Цысь В. В., Цысь О. П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX — начале XX в. Нижневартовск : Нижневарт. гуманит. ун-т, 2011. 305 с.
34. Чащин В. А. По уральским заводам. Воспоминания. Молотов : Молот. обл. гос. изд-во, 1951. 147 с.
35. Швецов С. П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 35—111.
36. Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX в. Тюмень : Вектор-Бук, 2001. 256 с.
37. Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2. Кн. 1. От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. М. : Языки славянской культуры, 2009. 576 с.
38. Элиаде М. Священное и мирское. М. : Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
39. Янко М. Д. Литературное Зауралье. Курган : Советское Зауралье, 1960. 185 с.
40. Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia 1890—1991. London : Yale University Press, 2007. XXII, 714 p.
41. Wade Rex A. The Russian Revolution, 1917. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 337 p.

Поступила в редакцию 13.12.2018

Ершов Михаил Федорович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Российская Федерация, 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а
E-mail: mfershov@mail.ru

UDC 94(47+57)“18/19”:371

M. F. Ershov

Pre-revolutionary school of the Trans-Urals in literary texts

The aim of the research is to analyze the changes in the socio-psychological climate in the pre-revolutionary education of the Trans-Urals in the middle of XIX — early XX centuries. Memoirs and literary works of several local authors, used in the article as sources, represent translation of personal values (sacrificial mission), changes in the daily existence of teachers and in the evaluation judgments about the educational process. There was a steady growth of individualism and personal responsibility in schools. The methodological basis was the advances in sociology, literature studies and social psychology. The reviewed texts allowed to reveal the transformation of mental and socio-cultural processes. The increasing role of education led to a change in values and requirements to teachers and students.

The novelty of the research lies in the use of literary and memoir texts about education in its interaction with the provincial society. The results of the research are relevant for modern Russia, where the entry into the market required the modernization of education.

Key words: Trans-Urals, historical source, literature, local society, memoirs, mission, education, writer, province, socio-psychological climate, text, teacher, school.

Ershov Mikhail Fyodorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher
Ob-Ugrian Institute of Applied Researches and Development
Russian Federation, 628011, Khanty-Mansiysk, ul. Mira, 14a
E-mail: mfershov@mail.ru

References

1. Bazhov P. P. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected Works: in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow, Pravda Publ., 1976, pp. 122—196. (In Russian)
2. Berger P. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russian)
3. Bondin A. P. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected Works: in 3 volumes]. Vol. 3. Sverdlovsk, OGIZ Publ., 1948. 267 p. (In Russian)
4. Burlutskaya (Bannikova) E. V. Orenburgskoe vysshee obshchestvo glazami pisatelya. Povest' A. N. Pleshcheeva "Pashintsev" kak istochnik po istorii zhenskoi provintsial'noi povsednevnosti [Orenburg High Society through the eyes of a writer. A. N. Pleshcheev's tale "Pashintsev" as a source on the history of the women's provincial daily life]. *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t.* [Private and public in the daily life of Russian population: history and modernity. Proceed. of the Internat. sci. conf. In 2 volumes]. St. Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2018, vol. 2, pp. 232—240. (In Russian)
5. Golodnikov K. Vospominaniya o Tobol'skoi gimnazii [Memories of the Tobolsk gymnasium]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti. Redaktorskii korpus: Antologiya tobol'skoi zhurnalistiki kontsa XIX — nachala XX v.* [Tobolsk provincial Gazette. Editors: anthology of Tobolsk journalism of the late XIX — early XX century]. Tyumen, Mandr i Ko Publ., 2004, pp. 250—283. (In Russian)
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Kurganskoi oblasti* [State Archive of the Kurgan Region]. F. 307. Op. 1. D. 21.
7. Grass G. *Lukovitsa pamyati* [Memory bulb]. Moscow, Inostranka Publ., 2008. 592 p. (In Russian)
8. Dzhakson T. N. *Chetyre norvezhskikh konunga na Rusi: Iz istorii russko-norvezhskikh politicheskikh otnoshenii poslednei treti X — pervoi poloviny XI v.* [Four Norwegian kings in Russia: From the history of Russian-Norwegian political relations of the last third of the 10th — first half of the 11th centuries]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 192 p. (In Russian)
9. Egorova M. V. *Povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya i uchitelei Urala v XIX — nachale XX v.* [The daily life of students and teachers of the Urals in the XIX — early XX centuries]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2008. 216 p. (In Russian)
10. Ershov M. F. Devyatsiya: dva sluchaya iz zhizni uchitelei Zaural'ya 70-kh gg. XIX v. [The deviation: two events from life of teachers of the Trans-Urals of the 70-th years of the 19-th century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta — Herald of Vyatka State University*, 2017, no. 7, pp. 60—64. (In Russian)

11. Ershov M. F. *Literaturnyi tekst kak istoriko-etnograficheskiy istochnik: po materialam proizvedenii pisatelei Yugry, Urala i Yuzhnoi Sibiri* [Literary text as a historical and ethnographic source: based on the works of writers of Ugra, the Urals and South Siberia]. Khanty-Mansiisk, 2015. 208 p. (In Russian)
12. Ershov M. F. Sotsial'nyi status pedagoga i berezovskie realii v 80-e gody XIX v. [The social status of the teacher and Berezhovsk realities in the 80s of the XIX century]. *Menshikovskie chteniya-2015: materialy rossiiskoi nauch. konf.* [2015 Readings from Menshikov. Proceed. of the Russian sci. conf.]. St. Petersburg, XVIII vek Publ., 2015, pp. 49—55. (In Russian)
13. Ershov M. F. Fond K. Ya. Malyarevskogo kak istoricheskii istochnik o kul'ture provintsial'noi intelligentsii [K. Ya. Malyarevsky's fund as a historical source about the culture of the provincial intelligentsia]. *Zyryanovskie chteniya: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf.* [Readings from Zyryanov. Proceed. of interregional sci.-pract. conf.]. Kurgan, Kurgan. gos. un-t Publ., 2003, pp. 121—123. (In Russian)
14. Zmeev M. V. *Zhiznennyi mir russkoi intelligentsii rubezha XIX — XX v.: na materialakh Permskoi gubernii* [The life world of the Russian intelligentsia at the turn of the XIX — XX centuries: on the materials of Perm province]. Perm, Permskii gos. tekhn. un-t Publ., 2006. 265 p. (In Russian)
15. Znamenskii M. S. *Vospominaniya i dnevniki* [Memories and diaries]. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2013. 776 p. (In Russian)
16. Zubkov I. V. *Rossiiskoe uchitel'stvo: povsednevnyaya zhizn' prepodavatelei zemskikh shkol, gimnazii i real'nykh uchilishch. 1870—1916* [Russian Teaching: The daily life of teachers in provincial schools, gymnasiums and real schools. 1870—1916]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2010. 528 p. (In Russian)
17. Ignatova Kh. V otstavke [Retired]. *Shkol'nyi listok. Prilozhenie k Tobol'skim eparkhial'nym vedomostyam* [School Leaflet. Appendix to Tobolsk diocesan statements]. 1910, no. 14, pp. 111—112. (In Russian)
18. Ignatova Kh. Vospominaniya [Memoirs]. *Eparkhialki: vospominaniya vospitannits zhenskikh eparkhial'nykh uchilishch* ['Eparkhialki': memories of pupils of female diocesan schools]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 118—132. (In Russian)
19. Klerikova M. R. *Istoricheskaya zapiska i otchet za 25 let sushchestvovaniya Tyumenskoi zhenskoiproгимnazii* [Historical note and report for 25 years of the Tyumen Women's Pro-Gymnasium]. Tyumen, Tipografiya "Sibirskoi torgovoi gazety" Publ., 1898. 57, 52 p. (In Russian)
20. Konovalova E. N. *Kniga Tobol'skoi gubernii. 1790—1917 gg. Svodnyi katalog mestnykh izdaniy* [Book of Tobolsk province. 1790—1917. Summary of local publications]. Novosibirsk, GPNTB SO RAN Publ., 2006. 532 p. (In Russian)
21. Litovskaya M. A., Sozina E. K. Literatura i istoriya: problema vzaimodeystviya [Literature and history: problems of interaction]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2013, no. 1 (38), pp. 57—66. (In Russian)
22. Mamin-Sibiriyak D. N. *Rasskazy, Legendy. Iz dalekogo proshlogo. Vospominaniya* [Stories, Legends. From the distant past. Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1987. 464 p. (In Russian)
23. Manchester L. *Popovichy v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Popovich in the world: the clergy, the intelligentsia and the formation of modern self-consciousness in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 448 p. (In Russian)
24. Mikhashchenko A. L. *Stanovlenie i razvitie obrazovaniya v rossiiskoi provintsii v 1719—1917 godakh (na materiale yuzhno-zaural'skogo regiona Zapadnoi Sibiri)* [Formation and development of education in the Russian province in the years 1719—1917 (on the material of the South-Urals region of Western Siberia)]. Kurgan, Kurgan un-t Publ., 2004. 332 p. (In Russian)
25. Nosilov K. D. *Bozh'i lyudi. Rasskazy* [God's people. Stories]. Moscow, Yunaya Rossiya Publ., 1913. 39 p. (In Russian)
26. Parygin B. D. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2003. 616 p. (In Russian)
27. Ruchin'skii Yu. Konarshchik. 1838—1878. Vospominaniya o sibirskoi ssylke [Konarschik. 1838—1878. Memories of the Siberian exile]. *Vospominaniya o Sibiri: Memuary, ocherki, dnevnikovye zapisi pol'skikh ssyl'nykh v Vostochnuyu Sibir' pervoi poloviny XIX stoletiya* [Memories of Siberia: Memoirs, essays, diaries of Polish exiles in Eastern Siberia in the first half of the XIX century]. Irkutsk, Artizdat Publ., 2009, pp. 325—476. (In Russian)
28. Smirnova N. I. Al'fred Shyuts na knizhnoi polke [Alfred Schütz on the bookshelf]. Shyuts A. *Izbrannoe. Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected. Meaningful world]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2004, pp. 1023—1048. (In Russian)
29. Sulimov V. S. *Svetskaya shkola Zapadnoi Sibiri kontsa XIX — nachala XX veka: vospitanie uchashchikhsya* [The secular school of Western Siberia of the late XIX — early XX century: education of students]. Tobolsk, TID Publ., 2015. 316 p. (In Russian)
30. Timofeev B. Sukhie suchki. Povest' [Dry knots. Tale]. *Energiya. Sb. pervyi* [Energy. First collection]. 1913, pp. 247—389. (In Russian)

31. *Tobol'skii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik* [Tobolsk State Historical and Architectural Museum-Reserve]. КР. 12222. (In Russian)
32. Turkin A. G. *Imeninnitsa* (literaturnyi etyud) [Birthday Girl (literary etude)]. *Ekaterinburgskaya nedelya*, 1894, no. 50, pp. 1053. (In Russian)
33. Tsys' V. V., Tsys' O. P. *Obrazovanie i prosveshchenie na Severe Zapadnoi Sibiri v XIX — nachale XX v.* [Education and Enlightenment in the North of Western Siberia in the XIX — early XX centuries]. Nizhnevartovsk, Nizhnevart. gumanit. un-t Publ., 2011. 305 p. (In Russian)
34. Chashchin V. A. *Po ural'skim zavodam. Vospominaniya* [In the Ural factories. Memories]. Molotov, Molot. obl. gos. izd-vo Publ., 1951. 147 p. (In Russian)
35. Shvetsov S. P. *Ocherki Surgutskogo kraia* [Sketches of the Surgut Territory]. *Tobol'skii Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX — nachala XX veka* [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the XIX — early XX century]. Yekaterinburg, Sr.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1998, pp. 35—111. (In Russian)
36. *Shkola Tobol'skoi gubernii v XVIII — nachale XX v.* [School of Tobolsk Province in the XVIII — early XX centuries]. Tyumen, Vektor-Buk Publ., 2001. 256 p. (In Russian)
37. Shmidt S. O. *Pamyatniki pis'mennosti v kul'ture poznaniya istorii Rossii. T. 2. Kn. 1. Ot Karamzina do "arbatstva" Okudzhavy* [Monuments of writing in the culture of knowledge of the Russian history. Vol. 2. Book 1. From Karamzin to Okudzhava's "Arbatstvo"]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2009. 576 p. (In Russian)
38. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and worldly]. Moscow, MGU Publ., 1994. 144 p. (In Russian)
39. Yanko M. D. *Literaturnoe Zaural'e* [Literary Trans-Urals]. Kurgan, Sovetskoe Zaural'e Publ., 1960. 185 p. (In Russian)
40. Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia 1890—1991*. London, Yale University Press, 2007. XXII, 714 p.
41. Wade Rex A. *The Russian Revolution, 1917*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 337 p.